

А.Н. Кравцов

ГРАНЬ МЕЖДУ ВЫМЫСЛОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ОЧЕРКЕ М. БОБРОВА
«ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ»

Предлагаемая статья представляет собой литературоведческий анализ автобиографического очерка М. Боброва (Соловьева), своеобразие документальной прозы которого и особенности ее художественной стороны до сего времени не являлись предметом отдельного исследования. Рассматриваются основные положения и центральные вопросы взаимодействия художественного и документального текста в жанрах биографии и автобиографии, наиболее ярко представленные в данном произведении. Автор статьи приходит к убедительному выводу, что пространство и время в прозе М. Боброва «призваны» смягчить переходы между художественной и документальной нарративными сферами.

Ключевые слова: автобиография, биография, документальный нарратив, образ автора.

В статье «Конец романа» О. Манделштам полагал, что человеческая биография – это композиционная мера всякого романа. Он писал: «Человеческая жизнь еще не есть биография и не дает позвоночника роману. Человек, действующий во времени старого европейского романа, является как бы стержнем целой системы явлений, группирующихся вокруг него»¹. Аналогично можно утверждать, что автобиография, являясь, по сути, романом о себе, об авторе, авто-романом, также группирует вокруг себя множество явлений действительности. Таким образом, возникает пограничное состояние, при котором жанровое своеобразие романа, предполагающего определенную дозу вымысла, соединяется в автобиографии с документальной основой, опирающейся на пережитую реальность. Возможно ли в этом случае уловить грань между ними, между романом-человеческой биографией и автобиографией-романом о себе? «Литературная энциклопедия» отличает докумен-

тальную литературу от художественной в ее стремлении к точному воспроизведению определенного участка действительности, переносе преимущественно познавательной функции без каких-либо специальных художественных установок. При этом все же четкую грань между документальным и художественным текстом «иногда провести крайне трудно». Разнообразные и многообразные жанры мемуарной литературы часто переплетаются между собой². И, как справедливо отмечала Лидия Гинзбург, психологически «романист и мемуарист как бы начинают с разных концов и где-то по дороге встречаются в единстве события и смысла»³.

Именно такая встреча наблюдается в очерке М. Боброва «По долинам и по взгорьям. Отрывок из книги “Марк Суков”», напечатанном в парижском журнале «Возрождение» (№ 13 и 14 за 1951 г.). Как указано в редакционной сноске к данной публикации: «Предлагаемый читателю очерк автобиографического характера имеет особый интерес: здесь занавесь, отделяющая нас от событий гражданской войны начального периода советской власти, приоткрывается как бы с другого конца. Эмигрантская литература, естественно, почти не касалась психологии тех, кто был в «красном» стане в 20-х годах»⁴. И действительно, то, что очерк М. Боброва был напечатан в эмигрантском журнале, не склонном к сантиментам с Советской Россией, говорит об умеренной позиции редакции, возглавлявшейся в то время С.П. Мельгуновым.

В настоящем очерке М. Боброва рассказывается о противостоянии между Красной армией и партизанами, называемыми автором «зелеными». События разворачиваются в Даурии сразу после отмены продразверстки 1920-х гг. и замены ее на продналог. В связи с этим обстоятельством Лениным была объявлена амнистия противникам большевиков, что смутило и обрадовало многих «зеленых»: «Вот теперь вроде начинает советская власть на правильную дорогу выходить. Разверстку отменила, амнистию вот объявила...»⁵. Из большевистского отряда на переговоры с партизанами направлен разведчик Марк Суков, от лица которого и ведется повествование. Ему удается убедить партизан сдаться на милость советской власти, что и происходит с одним отдельно взятым отрядом, участники которого убеждены, что не должны продолжать борьбу, «когда вся Россия молчит и не борется против советской власти»⁶. Позицию автора, совпадающую, по-видимому, с восприятием героя-повествователя, можно оценить как вполне дружелюбную по отношению к обеим конфликтовавшим ранее сторонам. Напряженный стиль повествования местами смягчен юмором: «Но особенно замечательны его брюки, сшитые из красного бильярдного сукна.

Красное галифе – верх шика, о них мечтают все буденновцы, но, к сожалению, претендентов на красные шаровары было больше, чем бильярдных столов, покрытых красным сукном, и поэтому большинству оставалось только мечтать»⁷. Диалоги противоборствующих сил выписаны подробно, воспроизводится просторечный стиль и южнорусский говор: «Я думаю, что незачем советской власти обманывать. Надоело всем воевать, и пора за дело браться <...> Дед Ипат говорит, что ни Ленину, ни советской власти верить ни в чем нельзя. Пообещают прощение, а потом, когда вернемся, всех перехватывают и пустят в распыл»⁸.

В то же время не все разрешается так благостно, как хотелось бы. Есть и другие «зеленые», которые решают продолжать борьбу (видимо, тут дед Ипат является голосом сомневающихся). Для них то, что «продельывают большевики с Лениным во главе, является не освобождением и не революцией, а голым насилием, в некотором роде, разбоем»⁹. Так что задача, поставленная командиром перед Суровым, не может быть окончательно решена, что наводит на мысль о возможном продолжении повествования, которое могло входить в намерения автора. Публикация была названа «отрывком из книги», однако в № 16 журнала «Возрождение» удалось обнаружить продолжение данной публикации, правда, уже под иным названием: «Ниспровергатели богов» (с. 107–115). Как удалось выяснить, позднее вышла и книга, включавшая в себя все прежде напечатанное, но уже под новым названием – «Когда Боги молчат». Причем вначале она была опубликована на иностранных языках (английском, французском, шведском, китайском, норвежском, хинди и других) и лишь спустя 10 лет – на русском¹⁰.

Возвращаясь к разбору жанровой специфики данного текста, зададимся вопросом: является ли она автобиографическим очерком, как о том заявлено издателем? В опровержение данного постулата необходимо отметить, что в очерке повествование обычно ведется от третьего лица, некоего автора, который наблюдает происходящее. Для автобиографических произведений все же более характерно повествование от первого лица. В то же время схожее с ним повествование от третьего лица – это уже чья-то биография, когда текст основан на воспоминаниях, документах и прочих свидетельствах¹¹, и все это опять-таки обобщает автор.

Так биография ли перед нами? Не совсем. Ведь описываемые события, как и имя героя повествования, не документированы и не поддаются перекрестной проверке по иным источникам. Как мы знаем, первичная и наиболее примитивная форма эго-документов – дневник. Более сложная и частая форма – воспоминания

или записки. Третьей формой можно считать автобиографию, для которой обязательно нахождение личности внутри повествования. Также «следует иметь ввиду, что эти записки нередко составляются с явной целью самооправдания, самообороны их автора»¹². Определенный исповедальный дискурс в очерке М. Боброва присутствует. В качестве иллюстрации обратим внимание на сцену, когда главный герой должен был подарить своего верного коня перешедшим на сторону большевиков партизанам: «...Марк никак не мог избавиться от чувства, что Воронок посмотрел на него печальным осуждающим взглядом, словно понял, что Марк изменил ему»¹³. Также я бы обратил внимание на явную аллюзию с «Конармией» И. Бабеля. Здесь герой – рассказчик Марк Суров. У Бабеля – корреспондент Кирилл Лютов. И Суров, и Лютов – от их характеров – суровый и лютый. А еще в очерке «Мой первый гусь» у Бабеля встречаем казака Суровкова. Обращаясь к биографии Бабеля, можно найти сходство с главным героем, так как Бабель сам служил корреспондентом в Первой конной под фамилией Лютова. И Бабель–Лютов, и Бобров–Суров проходят службу в рядах Первой конной Буденного. «Армии Буденного было приказано создать 12 отрядов ОББ – отряды по борьбе с бандитизмом <...> Один из таких отрядов был выделен полком Марка. С отрядом уходил и весь взвод разведчиков, в котором находился Марк»¹⁴. «Конармия» отчасти представляет собой обработку дневниковых записей автора, но в основном писатель руководствовался воспоминаниями. Хотя образ Лютова достаточно автобиографичен, автор все же не тождествен ему, он находится на определенной дистанции и от героя, и от изображаемых событий.

Исследователь И.В. Соловьева анализирует соотношение биографии и автобиографии по принципу коммуникативно-грамматических типов текста, выделяя субъектную перспективу и субъектную сферу. В их взаимодействии и подмене скрываются основные характеризующие текст предикаты «достоверности» и «субъективности». Беспристрастное изложение фактов и предполагаемая авторская оценка – еще один ключевой фактор. Вместе с тем, как известно, в современной автобиографии, базирующейся на концепции идентичности и правды, ощущается меньшая связь между опытом и дискурсом, чем между дискурсом и опытом. Нередко возникают типизация и вымышленные образы. «Образ автора является тем основным, что определяет ход повествования и играет ведущую роль в построении композиции текста», поскольку «он является формой сложных и противоречивых отношений между авторской интенцией, между фантазируемой личностью писателя и ликами персона-

жей. В понимании всех оттенков этой многозначной и многоликой структуры образа автора – ключ к композиции целого...»¹⁵.

Исходя из вышесказанного может сложиться впечатление, что в данном очерке образ автора не совпадает с образом описываемого им героя. Это становится еще более очевидным, когда мы узнаем, что автор «очерка автобиографического характера» Михаил Бобров (настоящее имя – Михаил Степанович Голубовский) родился в 1908 г. и на момент описываемых событий ему было 12–13 лет (продразверстка была заменена продналогом, что было основной мерой перехода к политике НЭПа, 21 марта 1921 г.)¹⁶. Таким образом, мы склонны отнести данное произведение скорее к романистике, художественному произведению исторического характера. К тому же в очерке, как в любой беллетристике, присутствует интрига, заявленная в самом начале: «В советском отряде, что бродит в поисках партизан, появился комиссар, который может превращаться в невидимку»¹⁷.

Однако обратившись к опубликованным документам, находим, что Бобров–Голубовский перед Второй мировой войной работал в газете «Известия», преподавал историю в генеральской группе в Академии им. Фрунзе, участвовал в войне с Финляндией. В 1941 г. лейтенантом Красной армии попал в плен и на оккупированных территориях уже под псевдонимом М. Бобров редактировал газету «Новый Путь», выходящую в Бобруйске. Бобруйск – вот откуда и появляется псевдоним Бобров. После окончания войны он переезжает в США и публикуется в журнале «Возрождение», а также пишет несколько книг, одну из которых, «Записки советского военного корреспондента» (Нью-Йорк: издательство им. Чехова, 1954, 309 с.), выпускает под псевдонимом Михаил Соловьев¹⁸. В предисловии к этой книге сообщается, что «Соловьев происходит из семьи, похожей на ту, которую он описал в своей предыдущей книге “Когда Боги молчат”. Среда и некоторые события, изображенные в этом волнующем романе, в значительной степени автобиографичны. Соловьев был назначен в 1932 г. военным корреспондентом “Известий”, главным образом, благодаря революционному прошлому своей семьи. <...> В 1937 г. ему пришлось переехать в Калинин (бывшая Тверь), потому что в результате сотрудничества с Бухариным в редакции “Известий” его право на жительство было ограничено и он получил так называемые “минус шесть”. Соловьев был затем восстановлен в должности корреспондента и принял участие в Малой войне в Финляндии; Большая война застала его в Москве. В группе генерала Рыбалко он был послан на Запад собирать остатки советских армий, разбитых неожиданной германской атакой; в Белоруссии он, по приказу Рыбалко, предпринял поиски генерала

Ракитина. В критический момент во время обороны Москвы воинская часть, в которой находился Соловьев, оказалась отрезанной, настигнутой пулеметной очередью немцев. В лесах Белоруссии Соловьев пустил свою последнюю пулю не в себя, а в своего раненого коня. В конце концов, он был захвачен в плен немцами...»¹⁹ О том же вкратце сообщается и в библиографическом справочнике «Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках»²⁰.

Так что автор упоминаемого предисловия относит книгу «Когда Боги молчат» к автобиографическому роману. Художественная стилистика угадывается в разного рода аллюзиях, метафорах и гротескных отступлениях: «Мерным, спокойным шагом идет немолодой, рыжий конь, и есть в этом всаднике и в его коне что-то мрачное, пугающее, словно встали они оба из могилы, чтобы посмотреть, что происходит в мире, и так едут уже давно, едут неторопливо, безостановочно»²¹. Это напоминает шествие Коня-Блед, несущего нечто смертоносное и пугающее. Можно найти близкое к этому описание у Булгакова: «И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна “успокоит его”. Волшебные черные кони и те утомились и несли своих всадников медленно, и неизбежная ночь стала их догонять <...> Так летели в молчании долго, пока и сама местность внизу не стала меняться. Печальные леса утонули в земном мраке и увлекли за собою и тусклые лезвия рек. Внизу появились и стали отблескивать валуны, а между ними зачернели провалы, в которые не проникал свет луны»²². Разумеется, здесь мы имеем дело с мифологемой смерти, которая в чем-то определяет и поэтику повествования М. Соловьева.

Таким образом, мы можем обнаружить «просвечивание» автобиографического автора в произведении, созданном, казалось бы, по законам жанра романа, в котором большую нагрузку имеет вымысел. Но следует помнить, что при написании автобиографии и биографии главная цель – это создание образа человека (себя или биографируемого), создание характера на основании прожитой им жизни. «Что же касается автобиографии, то она создается в порядке автоконцепции. В этом случае, наряду с влиянием шаблона, заметно стремление пишущего подчеркнуть уникальность своего жизненного пути. Написание текста автобиографии – это не изложение на бумаге своих воспоминаний, а сам процесс создания автобиографического воспоминания. При написании автобиографии важно, что написано и как написано, что приближает автобиографию к художественным текстам»²³. Работы Боброва в достаточной мере «оснащены» художественными приемами, его автобиографи-

ческий дискурс почти неразличим, но это не значит, что он отсутствует. И это лишний раз доказывает, как сложно провести грань между вымыслом и реальностью как в художественном, так и в автодокументальном текстах.

Примечания

- ¹ *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 2. С. 273–275.
- ² См.: *Бельчиков Н.Ф., Дынный В.* Мемуарная литература // Литературная энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1934. С. 131–149.
- ³ *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. С. 8.
- ⁴ *Бобров М.* По долинам и по взгорьям // Возрождение. 1951. № 13. С. 71.
- ⁵ Там же. С. 92.
- ⁶ Там же. С. 93.
- ⁷ Там же. С. 98–99.
- ⁸ *Бобров М.* По долинам и по взгорьям // Возрождение. 1951. № 14. С. 88.
- ⁹ Там же. С. 91.
- ¹⁰ *Соловьев М.* Когда Боги молчат. Нью-Йорк: издание автора, 1963. 725 с.
- ¹¹ См.: *Соловьева И.В.* Анализ автобиографии и биографии с точки зрения субъективной перспективы // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 6. С. 141.
- ¹² См.: *Бельчиков Н.Ф., Дынный В.* Указ. соч. С. 131–149.
- ¹³ *Бобров М.* Указ. соч. № 14. С. 99.
- ¹⁴ *Бобров М.* Указ. соч. № 13. С. 79.
- ¹⁵ *Соловьева И.В.* Указ. соч. С. 141; *Виноградов В.В.* Стиль «пиковой дамы» // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1996. С. 203.
- ¹⁶ Voskoboynikov belonged to the revolutionary type [Электронный ресурс] // Livejournal. URL: <http://kaminec.livejournal.com/143018.html> (дата обращения: 04.10.2014).
- ¹⁷ *Бобров М.* Указ. соч. № 13. С. 71.
- ¹⁸ Voskoboynikov belonged to the revolutionary type [Электронный ресурс].
- ¹⁹ *Соловьев М.* Записки советского военного корреспондента. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 8–11.
- ²⁰ См.: Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг. В 4 т. Т. 3. М.: ГПИБ России; Российская политическая энциклопедия, 2004. 640 с.
- ²¹ *Бобров М.* Указ. соч. № 14. С. 97.
- ²² *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 10 т. Анн Арбор: Ардис, 1988. Т. 8. С. 375–377.
- ²³ См.: *Соловьева И.В.* Указ. соч. С. 144.